

АНДРЕЙ МИРОНОВ О СВОЕЙ РАБОТЕ

АНДРЕЮ МИРОНОВУ двадцать девять лет. Из них семь — в театре. В одном и том же — Сатиры, куда он пришел после окончания Щукинского училища. Двадцать работ. На сцене и перед кинокамерой. Работ разных и в самых различных жанрах.

Артист, как говорится, не знал критических морозов. Почти за каждой его работой следовал внимательный и дружелюбный критический разбор, написано о Миронове едва ли не больше, чем о любом другом актере его поколения.

Ну, а что думает о себе, о своем пути в искусстве сам Андрей Миронов?

— Когда я впервые сыграл Присыпкина в «Клопе», спектакль прошел уже пятьсот раз. А сейчас, еще через шесть лет, он несколько устарел и по своей сценической форме. И я уже успел несколько изменить рисунок роли — отказался, например, от грима, париков. Но каждый раз я рад выйти на сцену в образе Присыпкина. Потому что ценность этого спектакля в тенденции, заложенной в пьесе Маяковского. Во имя этого и поставлен спектакль. Ведь обличение того, против чего боролся Маяковский, создавая образ «бывшего рабочего, бывшего партийца» Петра Присыпкина — Пьера Скрипкина, актуально и сегодня. Недаром зрительный зал по-прежнему очень чутко и точно реагирует на происходящее на сцене.

Другой важной для меня работой была роль Жадова в «Доходном месте» А. Островского. Молодой человек в момент поиска, самоутверждения... Он идет в бой с

ложью, ханжеством, бюрократизмом, установившимися взглядами. Идет по-юношески прямо, с открытым забралом. Порой он склоняется к компромиссу, признается в своей слабости. И слабость его в том, что он больше отрицает, чем утверждает. Но Жадов уходит в жизнь повзрослевшим, его позиции гражданина окрепли.

Фигаро для меня — прежде всего человек, принужденный временем, в котором он живет, заниматься не своим делом, растрчивать свой ум, таланты, энергию на пустяки. Ведь Фигаро — это фактически сам Бомарше. Много испытавший, Фигаро умен и тонок в конфликте, борясь за свое достоинство, он наносит удары искусно, не подставляя под удар себя. Он много оптимистичнее Жадова. Его позицию можно было бы определить так: отрицание через утверждение.

Через мучительные поиски смысла жизни, через мучительный самоанализ приходит к признанию гармонии простой естественной жизни Дон Жуан — герой комедии Макса Фриша. Об этой комедии обычно говорят, как о примере «интеллектуальной» драматургии, забывая, очевидно, что любое произведение настоящего искусства интеллектуально.

Каждый человек творческой профессии интересен, прежде всего, своей гражданской позицией, пониманием своего места, своих задач в общем деле.

Я не принимаю искусства вялого, скептического, не-

доверчиво смотрящего на жизнь. Я за активное утверждение нового, прогрессивного, и за не менее активную борьбу со старым, отжившим.

Прежде всего — это, а затем уже приверженность к определенным формам, жанрам и так далее.

— Наиболее близкий вам жанр?

— Трагикомедия. Я считаю жанр трагикомедии самым современным — соответствующим темпу, ритмам, напряженности и нервозности нашего века. Я вижу новизну этого жанра не в сочетании трагического и комического, но в качествах его героя — человека, исполненного критического отношения к самому себе, неудовлетворенного собой. Для него невозможно пресыщение.

Работать над такой ролью очень интересно. Для меня первой встречей с трагикомедией был Холден Колфилд из «Над пропастью во ржи» Дж. Сэллинджера.

— И еще о работе, с которой челябинцы не смогут познакомиться на нынешних гастролях — о роли Всеволода в романтической драме А. Штейна «У времени в плену»...

Театр Сатиры, поставивший этот спектакль, и Андрей Миронов, сыгравший роль Всеволода, стали лауреатами конкурса «Московская театральная весна», посвященного столетию со дня рождения В. И. Ленина.

— Мне было очень трудно работать над ролью Всеволода. В пьесе отсутствуют элементы конфликта, развития образа. И самое трудное — попробовать проследить и воссоздать на сцене творческий процесс художника.

Всеволод — человек талант-

ливый, необычный, сложный (прообразом послужил, как известно, Всеволод Вишневский). Он пережил в молодой жизни самый высший этап в своей жизни — гражданскую войну. И в обыденной мирной жизни он не находит себе места, ему больно видеть, как в обыденности забывается, тонет то слятое, что проливается в людях в момент наивысшего накала, в годы больших испытаний. Ведь способны же люди на подвиг! Это было, было, было! И необходимость в этом не проходит. Здесь — новое и интересное: необычный конфликт со зрительным залом.

Этот человек мыслит категориями государственных — не может иначе.

Всеволод зовет нас к беззаветному служению идею.

И в этом же смысле мне дороги цельность, целеустремленность, категоричность комсомольца 20-х годов Велосипедкина из «Бани» Владимира Маяковского.

— Как вы расцениваете свою работу в кино?

— Здесь все складывается не совсем так, как хотелось бы. Режиссеры видят во мне в основном актера комического. А хорошая комедия на наших экранах пока редкость. Из тех, где мне довелось сниматься, только одна возвышается над общим средним уровнем — «Берегись автомобиля» Эльдыра Рязанова. Но как раз в ней у меня роль, пожалуй, самая шаблонная.

Для того, чтобы постановка действительно стала явлением искусства, нужно, чтобы над ней работал коллектив единомышленников, где каждый твердо знает, что и для чего они делают. В театре с годами такое положение может сложиться. В кино — очень редко. Как правило, над фильмом работают встретившиеся на время люди.

— В концертах театра Сатиры вы выступаете с исполнением песен. Что дает вам работа над песнями?

— Мне это интересно. Мы знаем много примеров и у нас, и за рубежом, когда драматические актеры успешно выступают, как исполнители эстрадных песен. Это не случайность, не прихоть. Сегодня актер должен владеть всеми компонентами сценического искусства. Возьмем самый современный и сложный жанр, о котором сейчас много спорят — мюзикл. Он стирает грани амплуа. Актер в одной и той же роли встречается и с комическим, и с трагическим, ему приходится привлекать на помощь самые различные навыки, умения, смешивать их. Так что, пробуя себя в песне, я как бы совмещаю приятное с полезным. Полезное — потому что пение используешь, как проверку очередных вариантов своего пребывания на сцене, как необходимый тренаж. И — приятное, потому, что я люблю эстраду, отношусь к ней серьезно. Может быть, это у меня на-

следственное? Желание человека отдохнуть, радоваться песне, музыке надо уважать. Можно, например, предъявлять самые разные претензии к спектаклю «Женский монастырь», но нельзя забывать о том, что зрители два часа проводят в зале с ощущением радости, непринужденного смеха.

Сейчас Андрей Миронов снимается в двух фильмах — советско-венгерском «Держись за облака» и в комедийном детективе студии им. Горького «Достояние республики».

В театре Сатиры начинается работа над гоголевским «Ревизором», у Миронова роль Хлестакова. Когда речь зашла о Хлестакове, Миронов сказал, что не любит говорить о будущих работах.

— Дело актера не рассказывать, а играть...

Ну, что ж, будем ждать, какие новые грани своей актерской индивидуальности покажет нам Андрей Миронов, актер перешагивающий тридцатилетний рубеж.

Интервью вел
И. МОРГУЛЕС.

АНДРЕЙ МИРОНОВ В СПЕКТАКЛЕ «ДОН ЖУАН ИЛИ ЛЮБОВЬ К ГЕОМЕТРИИ».

Мир со мной, Генрих, 1970, 18 июня